

— Шэнь Чжинань, — прошептал он, чувствуя легкое беспокойство. Не слишком ли хорошо Хуа Цяньшуан с ним обращается?

— Раз испачкал, значит, так тому и быть, — Хуа Цяньшуан произнес это с невозмутимым видом, добавив двусмысленную шутку: — Когда ты пришел сюда в первый раз, то умудрился заляпать эту кровать еще сильнее. Вряд ли сейчас вышло хуже, чем тогда.

Шэнь Чжинань мгновенно лишился дара речи. Если бы перед ним был не император, с которым лучше не связываться, он бы обязательно нашел, что ответить. Кто заставил его испачкать кровать? И уж тем более, он был в этом не одинок.

Лицо Шэнь Чжинаня вспыхнуло, и он решил промолчать, уткнувшись в тарелку.

Зато сидевший рядом старик тихо рассмеялся и, протянув руку, ласково взъерошил мягкие снежные волосы омеги:

— Разозлился?

— Нет, Ваше Величество, — пробормотал про себя Шэнь Чжинань. Да разве он посмел бы злиться на Хуа Цяньшуана?

— Значит, кокетничаешь.

Шэнь Чжинань едва не поперхнулся. Как Хуа Цяньшуан вообще пришел к такому выводу?

Казалось, император не видел ничего предосудительного в своих словах. Он продолжал играючи перебирать пряди волос Шэнь Чжинаня и, не дожидаясь ответа, перевел тему:

— Генерал-лейтенант Хиггс ежегодно проводит отборочный тур Турнира боевых искусств, а перед ним обычно устраивают банкет на свежем воздухе. Если хочешь сходить развлечься, я велю сшить тебе пару нарядов.

Шэнь Чжинань сделал глоток нежного кокосового супа с курицей и встретился взглядом с глубокими, как океан, глазами Хуа Цяньшуана. Его изумрудные зрачки слегка дрогнули, словно утренний свет, упавший в лесное озеро и пустивший по воде круги.

— Благодарю, Ваше Величество, — искренне ответил Шэнь Чжинань, выглядя при этом необычайно послушным.

Раньше Хуа Цяньшуан считал его похожим на маленького белого кролика, но теперь, глядя на него, думал, что раз уж его зверь-спутник — белый голубь, то и сам омега иногда ведет себя как наивная, глупенькая птичка.

Да, у этой прекрасной птички и голос очень приятный. И когда он говорит, и когда всхлипывает, и когда охвачен страстью... Вот только плачет слишком часто, каждый раз задыхаясь от рыданий.

— Ты умеешь петь? — с любопытством спросил Хуа Цяньшуан.

Шэнь Чжинань кивнул:

— Да, Ваше Величество.

Семья с детства давала ему достаточно свободы, но не забывала воспитывать как истинного аристократа. Шэнь Чжинань умел не только петь, но и танцевать, играть на разных музыкальных инструментах, ездить верхом, стрелять из лука... Он умел слишком многое. Он был не только самым красивым омегой в Имперской столице, но и самым талантливым.

Хуа Цяньшуан пристально смотрел на своего прекрасного омегу. Его пальцы мягко коснулись горла Шэнь Чжинаня, а на губах заиграла легкая улыбка:

— Споешь мне в следующий раз, когда голос перестанет быть таким хриплым.

Интересно, чья это вина, что голос стал хриплым?

После позднего завтрака Шэнь Чжинань переоделся в новую одежду. Это был его любимый белый цвет: тончайшая ткань с серебристым узором, а на манжетах и воротнике сверкали аквамарины, идеально сочетавшиеся с цветом его глаз. Каждая вещь, подаренная Хуа Цяньшуаном, была изысканнее и красивее того, что могли предложить лучшие портные столицы.

Император остался доволен видом омеги. Он взял аквамариновую ленту и сам собрал снежные волосы Шэнь Чжинаня. Тот покорно позволял себя наряжать. Шэнь Чжинань не понимал, почему Хуа Цяньшуану доставляет такое удовольствие его переодевать, но не мог не признать: вкус у императора был безупречен.

— Вечером у меня дела, поужинай один, — Хуа Цяньшуан окинул взглядом своего красиво наряженного омегу и взял его за запястье.

Тонкое, изящное запястье, похожее на белую нефритовую кость, украшал браслет в виде маленькой черной змейки. На фоне холодной белизны кожи черный цвет смотрелся особенно эффектно. У его омеги была нежная, как у младенца, кожа, снежные волосы переливались на солнце, а изумрудные глаза были самыми прекрасными, что он когда-либо видел.

Хуа Цяньшуан вспомнил их первую встречу пять лет назад. Восемнадцатилетний омега стоял у озера, залитого золотыми бликами, а ветер развеивал его длинные снежные волосы. На лице

сияла невинная улыбка, руки были подняты к небу, а вокруг порхали белые голуби.

В спокойное озеро сердца императора упало белоснежное перышко. Пошли круги. С тех пор в его душе нашлось место, где могла бы укрыться дикая белая птица.

После ухода Хуа Цяньшуана Мерфи принес Шэнь Чжинаню еще два наряда. Один — черный костюм для участия в отборочном туре, другой — официальный парадный костюм. Он тоже был белым, но гораздо роскошнее предыдущего: поверх рубашки и брюк надевалась легкая полупрозрачная накидка, а в отделке, помимо аквамаринов, использовалось множество бриллиантов. Сдержанная роскошь в высшем проявлении.

— Мерфи, сколько стоит это платье? — не удержался от любопытства Шэнь Чжинань.

Верный ИИ-дворецкий императора и императрицы-консорта сверкнул голубыми электронными глазами, и его приятный мужской голос назвал цифру, от которой Шэнь Чжинань пришел в ужас. Даже когда его семья была богата, он не носил таких дорогих вещей. Он снова был поражен богатством Хуа Цяньшуана. На стоимость одного этого наряда можно было купить дом в престижном районе Имперской столицы.

Мерфи добавил:

— На создание каждого вашего наряда уходит не меньше месяца, все они выполнены вручную.

Шэнь Чжинань осторожно убрал одежду, в его изумрудных глазах светилось недоумение:

— Но я в императорском дворце меньше месяца...

Камера Мерфи мигнула:

— Ваше Величество начал готовить для вас одежду пять лет назад.

Пять лет назад. Тогда они встретились в первый раз. Несмотря на то что Шэнь Чжинань тогда отверг его, Хуа Цяньшуан все равно верил, что однажды омега пожалеет и вернется?

Шэнь Чжинань не знал, что и думать. Назвать это внимательностью или чрезмерной самоуверенностью? А может, это он сам был таким глупым? Даже посторонние видели, что Фэн Нянь его не любил, и только он один наивно верил, что тот помнит их детские обещания.

Шэнь Чжинаню не очень хотелось ехать в город, а Хуа Цяньшуан, похоже, не возражал против его прогулок по дворцу, поэтому он решил просто побродить по территории.

У покоев Хуа Цяньшуана был огромный сад — Шэнь Чжинань решил, что он размером с целый лесопарк. В отличие от его собственного сада, украшенного цветами, этот напоминал дикий первобытный лес. Заросли травы, мощные деревья — дикая, но сильная природа.

Не решаясь заходить слишком глубоко, он нашел тростниковые заросли у озера. Несмотря на то что он был во дворце, сидя на нагретых солнцем камнях, он чувствовал себя как на лоне природы. Даже ветер здесь пах свободой. Возможно, истинная свобода — это не место, а состояние души.

Желая побыть в одиночестве, Шэнь Чжинань велел Чжичжи и Вэньвэнь ждать снаружи. В конце концов, это владения Хуа Цяньшуана, что здесь может случиться?

Он сорвал стебель тростника и, вертя его в руках, смотрел на блики на воде. Фэн Нянь и Цзян Юэин были друзьями детства, но на самом деле он знал Фэн Няня еще раньше. В те времена Фэн Нянь был к нему очень добр: двенадцатилетний альфа лазил по деревьям за красными ягодами, которые он хотел попробовать, закатывал штаны, чтобы ловить рыбу в реке и запекать для него. Он краснел и, глядя на него сияющими глазами, мягко говорил: Наньнань, ты такой красивый, давай, когда вырастешь, станешь моим омегой? Хочешь ягоды с дерева — я сорву, хочешь рыбу из реки — я наловлю.

Смотрите, на самом деле Фэн Нянь тоже умел говорить красивые слова. Но почему все потом изменилось? Он стал омегой Фэн Няня, но тот больше никогда не улыбался ему так, как в детстве, не лазил по деревьям и не ловил светлячков.

Насколько хорош был двенадцатилетний Фэн Нянь, настолько же плохим стал двадцатиоднолетний. За те годы, что они были в браке, Шэнь Чжинань часто в полузабытьи думал: куда же делся тот мальчишка, который клялся защищать его и любить всю жизнь, не давая в обиду?

Из тростника послышался шорох, и когда Шэнь Чжинань обернулся, из зарослей показалась черная громадина. Они с огромной черной змеей уставились друг на друга.

Секунду спустя Шэнь Чжинань закричал от ужаса:

— А-а-а-а, змея!

Цзян Юэин разразилась пронзительным криком:

— Не говори! Больше не говори об этом!

Она рыдала, лицо было залито слезами. Раньше, увидев ее слезы, Фэн Нянь бросился бы утешать ее. Но теперь этот альфа, когда-то носивший ее на руках, смотрел на нее безразличным, холодным взглядом.

— Что я могу поделать? Ты твердишь, что я виноват перед тобой, но почему ты сама не можешь развестись с Шэнь Чжинанем и быть со мной? Я ждал тебя целых два года! Ждал, пока ты вернешься с войны, заслужишь славу и получишь право противостоять семье Шэнь. А что ты мне сказал? Ты сказал, что не разведешься с ним, а найдешь мне хорошую партию...

Скрытое прошлое, внезапно обнаженное Фэн Нянем, заставило Цзян Юэин возненавидеть Шэнь Чжинаня еще сильнее. Почему, даже после развода и изгнания из резиденции генерала, он не дает им покоя?

Она жаловалась на свою судьбу. Фэн Нянь был добр к ней, но так и не стал ее мужем. Она, омега без родителей, была никем в семье Цзян, и если хотела жить в роскоши, должна была полагаться на других альф. Она не хотела больше жить на подачки, она жаждала такой жизни, как у Шэнь Чжинаня. Быть окруженной вниманием красавцев-альф, ловить завистливые взгляды других омег, носить самые роскошные наряды и украшения. Это было пределом ее мечтаний.

Она винила во всем Фэн Няня и Шэнь Чжинаня. Она ненавидела Шэнь Чжинаня за то, что тот без всяких усилий обладал всем, чего она так хотела. Она злилась на Фэн Няня за то, что он давал ей надежду, но раз за разом отказывался разводиться с Шэнь Чжинанем.

Цзян Юэин со слезами на глазах дрожащим голосом произнесла:

— Фэн Нянь, Сяо Нянь, ты обещал моим родителям, что будешь хорошо ко мне относиться!

— Отдохни, позаботься о ребенке, я распоряжусь, чтобы о твоём быте позаботились, — в его спокойном голосе не было ни капли тепла.

С момента, как он узнал правду, и до их очной ставки, Фэн Нянь был до пугающего спокоен, особенно на фоне истеричной Цзян Юэин. Выйдя из дома, он сказал помощнику:

— Найди врача для Юэин, ее психическое состояние оставляет желать лучшего.

В саду повсюду цвели белые розы, их лепестки распускались в ночном воздухе. Проходя мимо, Фэн Нянь замедлил шаг. В воздухе разливался холодный аромат белых роз, и он вспомнил разговор с генерал-лейтенантом Хиггсом:

— Вы развелись с женой из-за его измены или из-за Цзян Юэин? На грядущий отборочный тур я пригласил господина Шэнь Чжинаня, но раз уж вы в разводе, думаю, ваше совместное участие не станет проблемой?

Что он ответил? Это не связано с Цзян Юэин. То, что они с Шэнь Чжинанем дошли до такого конца, отчасти связано с ней, но это не единственная причина. У него было слишком много причин ненавидеть Шэнь Чжинаня и всю его семью.

Он должен быть счастлив. Семья Шэнь разорилась, отец Шэнь Чжинаня тяжело болен, двое его братьев и сестра после краха семьи вынуждены были уехать далеко от дома, чтобы работать и отдавать долги. А Шэнь Чжинань? Он выгнал его из резиденции генерала. Куда мог пойти этот избалованный омега без его защиты? Чтобы сохранить прежний образ жизни и оплачивать счета отца, он, должно быть, опустился до того, что начал переходить из рук в руки разных альф. А вдруг он уже беременен от кого-то другого?

Белоснежный голубь упал в пыль. Луна, висевшая высоко в ночном небе, погрузилась на дно океана. Он должен радоваться — он своими руками уничтожил Шэнь Чжинаня.

Да, он должен быть счастлив. Но почему? Почему он каждую ночь не может уснуть, терзаемый тревогой? Яркий дневной свет не может пробиться сквозь туман. Под лазурной гладью озера погребены кости. Прекрасные белые розы источают смертельный яд.

Он снова и снова твердил себе, что не жалеет. Он не может жалеть.

— Дворецкий, уберите из сада все белые розы.

— Генерал, но это любимые цветы мисс Цзян...

— Убрать.

— Слушаюсь.

Видите, ему все равно. Он сотрет все следы, напоминающие о Шэнь Чжинане. Он лично придет на банкет Хиггса и всем покажет, что Шэнь Чжинань — всего лишь брошенный им омега, и что ему на него плевать.

Белые розы в резиденции генерала были выкорчеваны за одну ночь, их цветы падали с веток в грязь, где их безжалостно растаптывали.

В это же время в императорском дворце, возвышавшемся над городом, в сад привозили все новые и новые горшки с белыми розами, а садовникам строго наказывали тщательно за ними ухаживать.

В саду дворца Хуа Цяньшуана Шэнь Чжинань, в панике убегавший от опасности, в момент падения был подхвачен длинным хвостом гигантской черной змеи. Кольца обвились вокруг него от пояса до груди. Впервые прикоснувшись к живому существу — огромной черной змее толщиной с чашу, — Шэнь Чжинань застыл от страха. Он видел по телевизору, как змеи обвивают жертву, вводят яд и душат до смерти. Его съедят?

Шэнь Чжинань выпустил своих белых голубей на поиски помощи, надеясь, что кто-нибудь придет. Но он был слишком напуган. Видя перед глазами черный язык змеи, он не выдержал и

заплакал. Слезы градом катились по щекам, омега беззвучно рыдал.

Змея, издав шипение, черными вертикальными зрачками уставилась на плачущего омегу. Казалось, она колеблется или о чем-то размышляет, но через мгновение медленно разжала хвост, развернулась и скользнула в тростник.

— Наньнань? — знакомый голос стал для него спасительным якорем.

Шэнь Чжинань, всхлипывая, бросился к внезапно появившемуся Хуа Цяньшуану и уткнулся ему в объятия. В один миг страх исчез. Ведь перед ним был самый могущественный альфа Империи.

Огромное чувство безопасности развеяло ужас перед змеей. Шэнь Чжинань поднял голову, его лицо было мокрым от слез.

— Там змея, Ваше Величество, змея... такая огромная...

— Все хорошо, не бойся, — Хуа Цяньшуан прижал омегу к себе, целуя слезы на его щеках, успокаивая дрожащего от испуга красавца. — Забыл сказать, в моем саду много диких животных, но не бойся. Наньнань, ты забыл про браслет, который я тебе дал? Пока он на тебе, эти животные не причинят тебе вреда.

Хуа Цяньшуан погладил Шэнь Чжинаня по затылку, его взгляд был глубоким:

— Ты боишься змей?

— Немного... немного боюсь... — ответил Шэнь Чжинань, у которого в голове была пустота.

— Все в порядке, она не причинит тебе вреда. — Хуа Цяньшуан нахмурился, глядя на макушку омеги. Неужели он так сильно испугался? — А этого змеиного браслета ты боишься?

— Нет, это же украшение, да и он маленький... А та змея была такой огромной, она так внезапно выскочила, я испугался.

О, ну что же теперь поделать? Хуа Цяньшуан подумал, что его змеиный хвост куда больше.

Отборочный тур Турнира боевых искусств продлится целый месяц. Первый этап — это одновременно и открытие турнира. Тот, кому выпадает честь принимать первый отборочный тур, всегда является влиятельной фигурой в Галактической Империи. В этом году выбор пал на генерал-лейтенанта Хиггса, который устроил послеобеденное чаепитие, собравшее почти всю элиту Имперской столицы.

С семи часов вечера отборочный тур должен был начаться официально. К этому времени гости переместятся на боевую арену, чтобы наблюдать за соревнованиями вживую.

Несколько нарядно одетых омег-аристократов сидели за круглым столиком с изысканными закусками. Один из них, подняв фарфоровую чашку пальцем с перстнем, украшенным драгоценным камнем, спросил:

— Как думаете, Ваше Величество придет сегодня лично посмотреть на соревнования?

Другой омега, играя с бриллиантовой цепочкой на тонком запястье, вздохнул:

— Я слышал от отца, что император уже больше десяти лет не появлялся на подобных мероприятиях. А тут вдруг объявляют, что он вместе с императрицей-консортом будет вручать награды победителям. Я был поражен. До этого я даже не слышал, чтобы хоть один омега приглянулся Его Величеству.

— Наш благородный император с самого основания государства, уже больше ста лет, не появлялся ни на каких мероприятиях ни с одним омегой. Я даже начал думать, что в мире просто нет омеги, достойного быть рядом с ним, — изящный омега надул губы, а его брови, украшенные сапфирами, нахмурились от печали.

— Но вернемся к теме: даже если император и придет, то только на финал. Как такая высокопоставленная особа может появиться на обычном отборочном туре? — омега поднял чашку, но не стал пить. Его голос был полон грусти и разочарования, словно он только что пережил разрыв: — Трудно представить, что у нашей Галактической Империи наконец появится императрица. Каким же выдающимся должен быть омега, чтобы стоять рядом с Его Величеством.

<http://bllate.org/book/21238/2148657>